

РЕШЕНИЕ

Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по дисциплинарному производству № в отношении адвоката К.

11.09.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета: Ибряновой Г.А., Кониная Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Семеняко М.Е., Чангли А.И. в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 11.09.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката К. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 05.02.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. послужила жалоба С.А.А., поступившая в АП СПб 30.01.2025, а в Квалификационную комиссию – 10.02.2025.

В своей жалобе С.А.А. сообщает, что 10.01.2025 в период с 11.00 до 14.50 он был допрошен следователем по особо важным делам 301 военного следственного отдела СК России капитаном юстиции Гребенщиковым А.А. в помещении следственного отдела по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Калинина, дом 34 в качестве подозреваемого по уголовному делу №, возбужденному по признакам двух преступлений, предусмотренных ч. 2.1 ст. 337 УК РФ, трех преступлений, предусмотренных ч. 3.1 ст. 337 УК РФ и преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 337 УК РФ.

В ходе допроса, для осуществления защиты С.А.А., следователем был приглашен адвокат К., который принимал участие в проведении следственного действия по назначению. Время допроса заранее было согласовано со следователем, поэтому заявитель прибыл к назначенному времени, после чего следователь стал задавать ему вопросы, ответы на которые вносил в протокол. С.А.А. указывает, что, не обладая специальными познаниями в юриспруденции, «находясь под тяжестью обвинений», он испытывал сильное душевное волнение и не понимал, за что его пытаются привлечь к уголовной ответственности.

Спустя 1,5 часа после начала допроса, то есть, в 12.30, в кабинет вошел адвокат, представившийся К., сел рядом со С.А.А. и допрос следователем был продолжен. При этом, адвокат К. никак не объяснил факт своего опоздания, кроме того, свидания с ним наедине С.А.А. предоставлено не было. Никакой беседы, в ходе которой адвокат разъяснил бы доверителю с юридической точки зрения происходящие события, а также перспективы расследования уголовного дела, между ними не состоялось, правовая помощь адвокатом доверителю оказана не была. К., присоединившись к допросу, даже помогал следователю

формулировать ответы на вопросы, и, как заявитель позже понял, в нужном следователю ключе. Данное обстоятельство послужило причиной неверной интерпретации и изложения ответов С.А.А. на вопросы следователя в протоколе допроса, что ухудшает его положение.

С.А.А. обращает внимание на то, что даже не успел вдумчиво прочитать протокол, в виду чего не смог установить факт неверной фиксации его показаний. При этом адвокат К. стал его торопить и велел подписывать протокол. Как понял заявитель, К. очень спешил, и судьба доверителя его вообще не интересовала.

С.А.А. считает, что поскольку квалифицированная адвокатская помощь 10.01.2025 К. ему не была оказана, поэтому он фактически был лишен возможности осуществлять свое право на защиту, предусмотренное Уголовно-процессуальным законодательством РФ.

По мнению заявителя, в отношении него были нарушены положения п. 1 ст. 1 и подп. 1-4 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В соответствии со стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятым VIII Всероссийским съездом адвокатов: адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия заявления об этом нарушении. В рамках первого свидания с подозреваемым адвокату следует уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката, выяснить отношение к подозрению в совершении преступления. Адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат принимает меры к выяснению существа подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться. В случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором.

Кроме того, согласно п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя.

На основании изложенного С.А.А. просит привлечь адвоката К. к дисциплинарной ответственности. К жалобе приложена копия протокола допроса от 10.01.2025 г.

Адвокат К. дал на заседании Квалификационной комиссии устные объяснения, выразил свое несогласие с доводами жалобы, пояснил, что 04.01.2025 г. в 14.33 ему была распределена заявка № на защиту С.А.А. 301 ВСО СК России по адресу: СПб, ул. Калинина, 34 для участия 10.01.2025 г. в 12.30 часов в следственных действиях.

В назначенное время, то есть 10.01.2025 г. в 12.30 часов он явился в 301 военный следственный отдел СК России для защиты прав подозреваемого С.А.А.

До начала допроса С.А.А. они имели возможность конфиденциально побеседовать, и адвокат ответил на все вопросы подзащитного. По мнению адвоката, С.А.А. не собирался отрицать очевидные факты своего отсутствия в воинской части, объяснял эти отлучки своими занятиями спортом и был готов давать соответствующие показания, в связи с чем рассчитывал на избрании меры пресечения, не связанной с арестом.

Допрос начался в 13.15 часов, продолжался до 14.50 часов, что зафиксировано в протоколе и не оспаривалось С.А.А. при подписании протокола.

С.А.А., по мнению адвоката, спокойно и уверенно отвечал на вопросы следователя, собственноручно подписал в протоколе свои ответы. Адвокат допускает, что возможно помогал подзащитному формулировать ответы, но лишь с целью не ухудшить его положение. В конце допроса С.А.А. также собственноручно сделал запись, что протокол им прочитан лично и замечаний к протоколу не имеется.

Адвокат полагает, что жалоба вызвана вступлением в дело адвоката по соглашению, который таким образом надеется признать недопустимыми доказательствами показания С.А.А. отраженные в протоколе от 10.01.2025 г., тем самым изменить первоначальную позицию защиты. Нарушений законодательства об адвокатуре адвокат в своих действиях не находит.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 22.05.2025 дисциплинарное производство в отношении адвоката К.. необходимо прекратить вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА (подп. 2 п. 9 ст. 23 КПЭА).

Участники дисциплинарного производства письменных заявлений, в которых выражалось несогласие с заключением Квалифкомиссии или его поддержка, в Совет АП СПб не направляли.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 11.09.2025 были извещены надлежащим образом, на заседание не явились, о причинах неявки не сообщили, представителя не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Совет АП СПб, изучив материалы дисциплинарного производства, **оценив заключение Квалифкомиссии, соглашается с содержащимся в нём выводами**, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым, в целом, дана верная юридическая оценка.

Так, Квалифкомиссией было установлено следующее.

В производстве 301 военного следственного отдела СК России находилось уголовное дело № . Подозреваемым по уголовному делу являлся С.А.А.

04.01.2025 г. в 14.33 адвокату К. была распределена заявка № на защиту С.А.А. 301 ВСО СК России по адресу: СПб, ул. Калинина, 34 для участия 10.01.2025 г. в 12.30 часов в следственных действиях.

В назначенное время, то есть 10.01.2025 г. в 12.30 часов адвокат явился в 301 военный следственный отдел СК России для защиты подозреваемого С.А.А.

Данный факт зафиксирован в жалобе С.А.А. и не оспаривается адвокатом.

Доводы жалобы о том, что следователь начал допрос подозреваемого без присутствия адвоката в 11.00 часов, а адвокат опоздал к «назначенному» времени опровергается как утверждением в тексте жалобы о явке адвоката к следователю в 12.30, так и представленным протоколом допроса подозреваемого, в котором зафиксировано начало допроса в 13.15 часов. В жалобе не указывается, какое время, по мнению заявителя, было «назначено» адвокату, но заявитель не представил и доказательств того, что он возражал против времени начала допроса, указанного в протоколе – 13.15.

Также Квалификационная комиссия отметит, что каждый лист протокола допроса от 10.01.2025 г. подписан С.А.А. собственноручно, также С.А.А. подписаны собственноручно графы в протоколе о разъяснении подозреваемому его процессуальных прав и подписан

С.А.А. каждый ответ подозреваемого на вопрос следователя. Никаких замечаний, заявлений и дополнений, в том числе и по времени проведения допроса, протокол допроса не содержит. Также в протоколе в соответствующих графах имеются подписи адвоката и следователя.

По мнению, Квалификационной комиссии, факт того, что заявитель был достаточно осведомлен о своих процессуальных правах и имел возможность их реализовать, подтверждается, во-первых, доводами самой жалобы об отказе подозреваемого письменно зафиксировать его ознакомление с постановлением о возбуждении уголовного дела, а во-вторых, фактом записи в протоколе допроса подозреваемого о том, что подозреваемый С.А.А. был ознакомлен следователем с постановлением о возбуждении уголовного дела и при этом отказался подписывать данное постановление. Данная запись также подтверждена собственноручной подписью подозреваемого в протоколе допроса, то есть свои процессуальные права С.А.А. понимал и имел реальную возможность их реализовать, что и сделал в тех документах, в которых посчитал необходимым это сделать.

Из представленного протокола допроса подозреваемого С.А.А. не следует, что позиция адвоката не соответствовала бы позиции подозреваемого, а подозреваемый был бы не ознакомлен со своими правами, не мог их реализовать, высказал какие-то замечания относительно качества оказываемой ему адвокатом юридической помощи.

Давая оценку доводам жалобы о том, что адвокат действовал вопреки интересам подзащитного, Квалификационная комиссия исходит из того, что доказательства, подтверждающих данные доводы, материалы дисциплинарного дела не содержат.

Давая оценку профессиональному поведению адвоката в указанной ситуации, Квалификационная комиссия исходит из того, что адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно и добросовестно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами (подп.1 п.1 ст.7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» – далее Закон об адвокатуре), соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (далее КПЭА) и исполнять решения органов Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции (подп.4 п.1 ст.7 Закона об адвокатуре).

В соответствии с п.1 и 2 ст. 8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и КПЭА, уважать права, честь и достоинство лица, обратившегося за оказанием юридической помощи.

В соответствии с п.1 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне.

Квалификационная комиссия учитывает, что при рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

С учетом приведенных требований действующего законодательства РФ и Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката не опровергнута доводами жалобы, а в действиях адвоката К. отсутствует состав правонарушения, предусмотренный подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; пунктом 1 статьи 8, пунктом 5 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и положений Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятым VIII Всероссийским съездом адвокатом.

На основании изложенного и, руководствуясь подпунктом 2 пункта 9 статьи 23 КПЭА, Комиссия пришла к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА.

Совет АП СПб разделяет мнение Квалификационной комиссии, что все вышеуказанные доводы заявителя – об опоздании адвоката К. на следственное действие, о помощи адвоката следователю при формулировке ответов на вопросы и прочие – не нашли своего подтверждения.

При рассмотрении дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия правомерно исходила из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Вместе с тем, Совет АП СПб считает не основанным на законе довод, содержащийся в заключении Квалификационной комиссии, о том, что ознакомление подозреваемого с постановлением о возбуждении уголовного дела, как процессуальное действие, в соответствии с нормами УПК РФ «не требует обязательного участия адвоката».

Совет АП СПб исходит из того, что при подготовке заключения Квалификационной комиссии допущена неточность в части употребления термина «адвокат», поскольку федеральным законодателем в УПК РФ предусмотрены именно случаи обязательного участия защитника, а не адвоката.

Вместе с тем, согласно пункту 3 части 4 статьи 46 УПК РФ, подозреваемый вправе пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного пунктами 2 - 3.1 части третьей статьи 49 УПК РФ, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого.

Частью 1 статьи 49 УПК РФ установлено, что защитник – лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

В соответствии с пунктом 2 части 3 статьи 49 УПК РФ, защитник участвует в уголовном деле с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица.

На основании пункта 1. части 1 статьи 51 УПК РФ, участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если: подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ.

Как установлено Квалификационной комиссией, подозреваемым по уголовному делу № является С.А.А., то есть уголовное возбуждено в отношении конкретного лица. Соответственно, с этого момента подозреваемый мог пользоваться помощью защитника, а защитник допускается к участию в уголовном деле. В установленном законом порядке С.А.А. от

помощи защитника не отказывался. Поскольку ознакомление подозреваемого с постановлением о возбуждении уголовного дела относится к производству по уголовному делу, то участие защитника в этом процессуальном действии также является обязательным.

В остальной части заключения Совет АП СПб полностью соглашается с Квалифкомиссией и признаёт, что презумпция добросовестности адвоката К. в ходе дисциплинарного разбирательства не была опровергнута, а его вина в совершении дисциплинарного проступка – не установлена.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА на основании заключения комиссии».*

При таких обстоятельствах Совет АП СПб признаёт необходимым дисциплинарное производство в отношении адвоката К. прекратить по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

прекратить дисциплинарное производство № в отношении адвоката К. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) **вследствие отсутствия** в его действиях (бездействии) **нарушения** норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.